

Кто ходит непорочно, тот будет невредим; а ходящий кривыми путями упадёт на одном из них.

Притч. 28:18

Лёгкий ветерок колыхал шторы из тончайшего персидского шёлка. Сквозь прозрачную ткань виднелись декоративные кустарники в виде больших зелёных шаров. Между них вились махровые лепестки белых, красных, кремовых, розовых японских камелий. Яркие цветы, лишённые запаха, расстилаясь по узорчатой металлической ограде, напоминали восковые похоронные букеты. Из приоткрытого окна слышались завывания машинки для стрижки газонов. Широкая китайская ваза, играя бликами фарфора, красовалась в окружении ананасов и других заморских фруктов. Распространяя нежный аромат, в ней плавали розы.

За столом из позолоченного дерева восседал жирный, толстый мужчина по прозвищу Хомяк. Бритоголовый, с отвислыми щеками, заросшими рыжеватой щетиной, — дань моде «новых русских». Смачно чавкал, поглощая обжаренных перепелов. Большой живот, чаще называемый в народе пузом, брюхом, лоханью, занял всё пространство между дубовым столом и кожаным креслом. В него уже вместились пара бутербродов с чёрной икрой, блюдо картошки с олениной, запечённой под майонезом, тарелка мантов, истекающих соком, несколько котлет по-киевски, дикая утка с яблоками и черносливом, мясо поросёнка, возлежавшего

в листьях петрушки на хрустальном подносе. Хлеб, овощные закуски, салаты, малосольная сёмга в счёт не шли: квадратные челюсти Хомяка перемололи их как дополнение к основным блюдам. Покончив с перепелами, он подцепил серебряной вилкой большой ломоть осетрины, запихнул в губастый рот. Следом отправил туда половинку красного помидора, глотнул бургундского вина. Медленно жевал, прикрыв веки, наслаждаясь вкусом деликатеса. Скулы равномерно двигались, покатый лоб напряглся морщинами. Наполненный бокал, из которого пил когда-то сам граф Шереметев, отливал кровавым отблеском.

— Серый, это чё за пойло в графине? — недовольно хмурясь, спросил Хомяк. — Кислятина какая-то.

— Из Парижа, Аристарх Петрович! — услужливо ответил не то лакей, не то клерк-телохранитель.

— Я плачу за обед тысячу долларов не для того, чтобы мне подавали бодягу. Пошмонай по ихним кабакам вино получше...

Хомяк оторвал от лилово-синей грозди виноградину, бросил в рот. Посмаковал.

— Кстати... Подготовь мне полный расклад по фирме «Ацтек». Давно хочу прибрать её к своим рукам. Забей мне стрелку для встречи с этими братками. Припру — не пикнут. Куда им рыпаться?! А будут пальцы гнуть — замочим как последних фраеров.

Покончив с обильным обедом, Хомяк достал из золотой коробки дорогую гавайскую сигару. Услужливый клерк щёлкнул зажигалкой. С удовольствием затянувшись запашистым дымком, Хомяк лениво обвёл глазами роскошную обстановку кабинета, уставленного итальянской мебелью, инкрустированной слоновой костью. Шевельнул пальцем. Клерк послушно приблизился.

— Слушаю, Аристарх Петрович!

— Ты чё, в натуре?... Тупой, чё ли? Я ещё когда говорил убрать это фуфло со стены... Мазня какая-то...

— Винсент Виллем Ван Гог... Нидерландский постимпрессионист... Большие деньги на аукционе за неё заплатили.

— Ка-ароче, Серый! Без базара! Сменить на чё-нибудь путёвое. Тёлку покрасивше подгони вместо этой намалёванной хибары в дождливом лесу... Например, ту, чё мы с тобой видели.

— В Третьяковской галерее?

— Во-во! Клёвая тёлка!

— «Неизвестная»! Шедевр Крамского! Не продадут.

— Ты чё, Серый, в натуре? Всё продаётся, и всё покупается.

— Так-то оно так,— почесал клерк плешь на затылке.— Только не в обиду, Аристар Петрович, всех ваших ресторанов и казино, если продать, не хватит за ту картину.

Хомяк пыхнул сигарой, по блатному растопырил пальцы.

— Ка-ароче, Серый... Прочухай, сколько просят за неё, а уж мне решать, где брать бабло.

Что-то загремело в приёмной. Вскрикнула секретарша, и дверь в кабинет с шумом распахнулась. Вошёл мужчина средних лет, спортивного телосложения. И хотя одет он был в светлые джинсы и белую футболку, а обут в кроссовки, подтянутость и выправка выдавали в нём бывшего военного человека. На глазах вошедшего тёмные очки. На чисто выбритом лице шрам. На шее суровая нитка с крестиком. Аккуратный пробор гладко причёсанных волос и тонкие усы дополняли портрет незнакомца. Следом за ним в кабинет ворвались два дюжих молодца. У одного охранника, багровея, заплывал подбитый глаз. У другого, стиснувшего зубы от боли, плетью висела рука.

— Мы не пускали его... Сам буром прёт,— начал оправдываться первый из них, косясь подбитым глазом на дерзкого посетителя.

Схватил его за футболку, потянул назад.

— Выйди из кабинета! — рыкнул охранник и, охнув, согнулся, получив удар локтем в живот.

Его напарник увидел повернувшееся к нему лицо незнакомца, безликое из-за чёрных очков, таинственно-страшное, и попятился к двери.

— Ка-ароче... Оба свободны! Недоноски паршивые! Уроды! С каким-то шибздотным очкариком не справились...

Вы уволены! Всё, я сказал! Серый! Выкинь эту шелупонь за дверь. Мне такая охрана больше не нужна,— рывкнул Хомяк, уверенный, что клерк держит под полой взведённый пистолет.— Ты кто такой? — вперил он спокойный взгляд на непрошеного гостя.

Мужчина снял очки, прихрамывая, подошёл к столу. Ногой двигнул кресло и без приглашения сел.

— Обед за тысячу долларов? — показал он рукой на изысканный стол.— Слово держишь, Кандыгин. Узнаёшь однополчанина? А ведь я говорил тебе словами из Библии: «Бедный и лихоимец встречаются друг с другом, но свет глазам того и другого даёт Господь». Притчи Соломона, глава двадцать девять, стих тринадцатый. И вот встретились, как видишь...

Зазвенели осколки от разбившегося бокала, упавшего на тарелку. Скрипнуло массивное кресло. С затрясшейся сигары осыпался пепел.

— Святоша?! Дронов?! Жи... Живой?!

— Бог всё-таки на моей стороне, а не на твоей, Кандыгин!

Хомяк глянул на клерка, и того как ветром сдуло. Он засопел, вытер платком мигом вспотевший лоб. Ему стало жарко и душно, как в тот горячий день на раскалённых камнях афганского ущелья. Ослабил галстук, рванул ворот сорочки. По столу завертелась оторванная пуговичка, скатилась с него и затерялась в шерсти тигровой шкуры, расстеленной на паркетном полу. Схватил бутылку с минеральной водой. Горлышко её тоненько забренчало о кромку стакана из богемского стекла. Вода проливалась, а он жадно пил, выстукивая зубами мелкую дробь.

— Ты ничего не забыл, Кандыгин? — откинувшись в кресле, спросил Дронов.— Тушёнку, ворованную ящиками со склада, которым заведовал? Пачку долларов за фугасы? На них подорвались наши десантники... Гранатомёты, проданные бандитам? Фляжку с водой, из которой ты так щедро напоил меня?

Кто-то из сотрудников офиса распахнул дверь:

— Аристарх Петрович...

— Вон! Все вон! Я занят!

Теряя бумаги, сотрудник поспешно затворил за собой дверь.

Да... Он помнил всё...

— Сержант Дронов!

— Я, товарищ прапорщик!

— Машина в норме?

— Так точно!

— Вам, товарищ сержант, приказано отвезти продукты на блокпост. Почему не едем?

— В ящиках не достаёт тридцати семи банок тушёнки, и вместо двух мешков сахара загрузили один.

— Ты опять суёшь нос не в свои дела!

— Там парни от бандитских пуль гибнут, а вы у них тушёнку воруете. Одеёла зажали, не выдали ребятам, а ночами в горах дубориловка. У них, бедных, и так нет ничего, а вы последнее у солдата отбираете. А в притчах Соломона сказано: «Не будь грабителем бедного, потому, что он беден». Глава двадцать вторая, стих двадцать второй...

— Да пошёл ты со своими притчами, святоша!

— В другой раз о вашем воровстве доложу командиру...

Другого раза не было. Заведующий складом прапорщик Кандыгин выдал продовольствие и обмундирование бойцам спецназа строго по ведомости. Дронов, заложив за спинку сиденья автомат, выехал из ворот базы. Придерживая КАМАЗ на тормозах, стал спускаться с перевала. На крутом повороте перед мостом вдруг отказало рулевое управление, и грузовик свалился в горную речку. Дронова с многочисленными травмами и в бессознательном состоянии доставили в госпиталь. Возвратившись в часть, он уже не застал Кандыгина на складе. Того куда-то перевели. А вскоре десантную бригаду спецназа, в которой сержант Евгений Дронов служил водителем по контракту, передислоцировали в другой район.

И вдруг — вот так встреча! На перевале Гиндукуш!

— Дронов?! Живой, святоша?!

Объятий, разумеется, не было.

— Опять будешь мне свои притчи рассказывать?

— Не мои, а мудреца Соломона. Буду рассказывать, если узнаю, что воруете военное имущество и продаёте...

— Не придётся, святоша... Отвернётся от тебя твой Бог. В этом ты скоро убедишься.

— Бог не мой. Он один для всех. В каждом из нас Его Дух Святой. В вашей душе Он тоже присутствует. Ваши нечестивые дела Ему доподлинно известны. И не миновать вам за них наказания.

— Я буду молить о прощении. Авось простит,— рассмеялся Кандыгин.— Кажется, так у вас, верующих грешников? А чё? Прочитал молитву, попросил прощения — и дальше греш.

— «Кто отклоняет ухо своё от слушания закона, того и молитва — мерзость», — сказано в притчах Соломона. Глава двадцать восемь, стих девятый.

— Хватит сказки мне сказывать, сержант. Едем сегодня на дальний блокпост. Везём палатки утеплённые, продукты, медикаменты, одеяла, ватники.

— А что в больших серых ящиках, похожих на оружейные?

— Много будешь знать — скоро состаришься. Я отвечаю за груз. Ты меня понял, святоша? Консервы в тех ящиках... Много тушёнки... Обожрутся твои спецназовцы.

— Что-то темните вы, товарищ прапорщик... Парни сказывали: говяжьё тушёнку, патроны, камуфляжные костюмы бандитам загоняете. Не зря, надо полагать, вчера возле вещевого базы старик-душман вертелся.

— Ты чё, в натуре, сержант?! Ополоумел? Да за такие слова... — понизил голос Кандыгин — неподалёку проходил офицер.— А хошь бы и так. Тебе какое дело? — тихо сказал прапорщик.— На войне люди деньги делают. Чем я хуже других? Без обману деньги не сделаешь.

— «Сладок для человека хлеб, приобретённый неправдою; но после рот его наполнится дресвою».

— Никак угрожаешь, святоша?

— Это не я сказал, а мудрый Соломон. Глава двадцать. Стих семнадцать.

— Твой рот скорее наполнится дресвою,— со злом буркнул Кандыгин.— Ты уже один раз летал под обрыв, праведник! Ещё хочешь? Почему Бог не оградил тебя от падения?

— «Семь раз упадёт праведник и встанет; а нечестивые впадут в погибель»,— убеждал Соломон. Глава двадцать четыре, стих шестнадцать. И Бог не дал мне умереть, а предостерёг: «Не выезжай из ворот, не проверив досконально рулевое и тормоза».

— Ка-ароче, сержант... Хватит базарить. Заводи свой керогаз, и поехали.

В узком ущелье дорогу КАМАЗу преградили «Жигули». Из легковушки выскочили пять вооружённых до зубов бандитов. Дронов выдернул из-под себя автомат, но Кандыгин выстрелил ему в правый бок из пистолета. Раненого водителя бандиты выкинули из кабины на придорожные камни, нагретые знойным полуденным солнцем. Разбили ящики, развернули промасленную бумагу. Зацокали языками: не обманул прапор. Снаряды зловеще поблёскивали латунными гильзами и маркированными боеголовками.

— Что делать с этим неверным? — спросил Кандыгина бородатый бандит, увешанный гранатами и пулёмётными лентами.

Пинком перевернул сержанта на спину. Тот пришёл в себя, застонал.

— Отправить его к Аллаху пасти баранов?!

Прапорщик торопливо пересчитывал деньги. Сунул пачку долларов в карман камуфляжной куртки, подбежал к Дронову:

— Отвернулся от тебя Бог, святоша. Хана тебе. Не помогут тебе ни молитвы, ни притчи Соломона. А ведь это я тебе тогда отвинтил гайку на рулевом. Очухался ты на свою погибель. Но теперь уж точно кранты тебе, сержант. Сегодня Бог на моей стороне. Видал? — Кандыгин потряс перед искажённым мукой лицом Дронова толстой пачкой новых долларов.— На эти денежки, сержант, я куплю ресторан, раскручусь, стану богатым. Буду обедать за тысячу долларов в день. Я сдержу слово, святоша. Жаль, мы могли вместе крутить такие дела. Денежки здесь сами просятся в

руки. На войне можно быстро разбогатеть. Но ты со своей праведностью встал на моём пути к богатству.

— И сказал Соломон: «Не заботься о том, чтобы нажить богатство; оставь такие мысли твои. Устремишь глаза твои на него, и — его уже нет; потому что оно сделает себе крылья и, как орёл, улетит к небу». Глава двадцать три, стихи четвёртый и пятый, — отплёвываясь кровавой слюной, проговорил Дронов. — Я знал, Кандыгин, что ты вор... Догадывался, что это ты устроил мне аварию... Но не думал, что ты предатель и сволочь, каких поискать... Подлец... Оружие бандитам продаёшь...

— Побазарь напослед, святоша. Мне твои притчи как козе баян. Я мотаю за кордон. Ищи ветра в поле. И плевать на твоих спецназовцев. Не всё ли равно, от чего им подышать — от пули бандитской или от моих фугасов? Паспорт у меня другой. Я теперь не Кандыгин, а Веселов Аристарх Петрович. Уразумел, сержант? Да только тебе мои откровения уже ни к чему. Недолго осталось тебе стонать. Добивать тебя не стану. Не надейся. Полежи, помучайся, прежде чем Богу своему душу отдать. Прочувствуй хорошенько, надо ли было прапорщика Кандыгина в беззаконии обвинять. Долго не протянешь. Пески здесь, камни, гадюки по ним ползают. Да ещё вот эти твари...

Кандыгин щелчком сбил с себя скорпиона, отстегнул от пояса флягу с водой. Отвинтил крышку, напился. Дронов облизнул губы, отвернулся, чтобы не смотреть на фляжку.

— Жарко-то как... Пекло настоящее. Я в Испанию рвану. Там прохлада, свежий морской воздух. Денежки отмою — в Россию вернусь. Бизнесмен Аристарх Веселов... Звучит?! А, Дронов? Подыхаешь? Пить, наверно, хочешь, боец? — издевательски спросил Кандыгин. — На, пей напослед, святоша.

Кандыгин вылил воду за воротник солдата. Отбросил флягу, свистнул бандитам:

— Эй, джигиты! Сбросьте этого праведника с обрыва. Да поторопитесь. Надо делать ноги отсюда. Неровен час — кого-нибудь принесёт леший.

Кандыгин проворно вскочил в кабину КАМАЗа, сел за руль, и грузовик, вздымая тучу пыли, покатил по каменистой дороге...

— Ну так как? Вспомнил?

Вопрос прозвучал резко и сурово, со стальными нотками в голосе. Сидящий перед Кандыгиным человек уже не был тем простотовато-наивным задиристым сержантом. Власть, сила и уверенность в правоте чувствовались в его взгляде, в движениях.

— Ты... сейчас... кто?

— Как и был... Евгений Иванович Дронов... А для тебя, Кандыгин, старший следователь по особо важным делам... После армии юрфак университета закончил...

— Невероятно... И как ты выжил?.. Ведь никаких шансов! Просто чудо,— заскрипел креслом Кандыгин.

— Меня «вертушка» подобрала. Пилоты заметили, дай им Бог здоровья и мягких посадок, в госпиталь доставили. А там врачи — тоже от Бога! Кости переломанные собрали, пулю извлекли, меня залатали, на ноги поставили. Правда, левая чуть короче стала... И никакого чуда. Господь сохранил. В кармане моей куртки гаечный ключ лежал. Второпях забыл его в багажник бросить. Об него пуля шлёпнулась, рикошетом в тело вошла... Да вот она! Полюбуйся, Кандыгин!

И Дронов кинул на тарелку с объедками перепелов смятую пулю.

— Долго хранил, чтобы вернуть тебе, Кандыгин.

— Отомстить хочешь?

— Соломон наставлял: «Не говори: „Я отплачу за зло“; предоставь Господу, и Он сохранит тебя». Глава двадцать, стих двадцать второй.

— Как... ты м-меня... н-нашёл? — тупо глядя на мятую пулю, краснеющую медной оболочкой, угрюмо спросил Кандыгин.

— И не искал я тебя вовсе. К чему? Ведь мстить я тебе не собирался. Я не сомневался, что Божья кара не минует тебя... Наши следователи раскрыли убийства, заказанные неким Аристархом Веселовым. Ты же сам сообщил мне свою новую

фамилию. Бизнесмен Аристарх Веселов! Легко запомнить... Большой срок тебе грозит, Кандыгин. Очень большой.

Кандыгин приподнял подлокотник кресла, вынул из тайника увесистые пачки зелёных купюр, швырнул на стол.

— Может, договоримся? А, Дронов? Сколько хочешь?

Дронов обвёл глазами лежащие перед ним деньги, покачал головой:

— Дёшево ценишь жизни убитых тобою конкурентов и тех бойцов, погибших от пуль и снарядов, проданных бандитам.

Кандыгин по-своему понял слова Дронова.

— Сколько? — задыхаясь, повторил он, выбрасывая на стол одну за другой пачки долларов.— Большие деньги, Дронов... Очень большие... Может, замнём?.. Всё отдам...

— Отдать придётся. В государственную казну. Всё нажитое преступным путём...

— Явку с повинной... Добровольную сдачу...

— Поздно, Кандыгин. Уголовное дело номер тридцать четыре семнадцать на контроле у прокурора области.

— Ты как был праведник, так им и остался. Дурак ты, святоша... Да за такие бабки...

— Ты как был нечестивым, так им и остался,— в тон Кандыгину ответил Дронов.— Но за все нечестивые дела наступает расплата... Вместо обеда за тысячу долларов будет тебе тюремная похлёбка. И я тут ни при чём. Ты сам избрал себе нечестивый путь. Ибо сказал мудрый Соломон: «Верный человек богат благословениями, а кто спешит разбогатеть, тот не останется ненаказанным». Глава двадцать восемь, стих двадцатый.

— И что я тогда не пристрелил тебя?..— прохрипел Кандыгин.

По мраморным ступеням офиса звенели подковками омовские ботинки. Бойцы из отряда полиции особого назначения торопливо вошли в кабинет, надели Кандыгину наручники.

— Святоша! — бросил он злой взгляд на бывшего сержанта-десантника.

— Пригласите понятых,— спокойно сказал Дронов.